

История идей

Лев Клейн

СТАНОВЛЕНИЕ ГУМАНИТАРНОЙ ТРАДИЦИИ (от первобытности до Возрождения)*

Элементы сравнительного народоведения в античном мире

Своя культура как
модель для
сравнения

1. Сравнение народов у историков и географов. Идею провозглашения единства всех греков проводил в своем сочинении о греко-персидских войнах Геродот Галикарнасский (ок. 484–425 гг. до н.э.). Его труд носил название «Истории», и с его легкой руки целая отрасль знаний, восстанавливающая события в их последовательности и причинно-следственной связи, получила название историй.

И хотя Геродот прежде всего историк, сама идея его труда – показать справедливость исконной войны народа эллинов, демократически организованного, против восточной деспотии – требовала сравнительного анализа особенностей разных народов, а это задача антропологическая. Он лично объездил много стран – от Персии до Италии, от Египта до стран Северного Причерноморья. В первую очередь сравнению подлежали, разумеется, извечный деспотизм у азиатов и свобода для всех (кроме рабов) у эллинов. Но мимоходом приводились и сведения о странных для эллинов особенностях тех или иных народов – сведения, ныне называемые этнографически: о матрилинейной организации у ликийцев (Геродот I, 173), о групповом браке у массагетов (I, 216), о храмовой проституции у вавилонян (I, 199), о скальпировании врагов у скифов (IV, 64), о том, что индийские каллаты поедают своих отцов (III, 38), и т.д. Геродот приводил сведения не только о наличии той или иной характеристики, но и нередко об отсутствии чего-то привычного для

* Продолжение. Начало: Развитие личности. 2004. №2. С.159–168.

Вопрос об исконных и пришлых народах

грека: аргиппеи не имеют оружия (IV, 23–24). В этих сравнениях своя культура была для него моделью.

Геродот же в целом следовал за Гекатеєм Милетским, современником греко-персидских войн (жившим в кон. VI – нач. V в. до н.э.), из сочинений которого («Генеалогии» и «Землеописание») Геродот многое заимствовал. Геродот считал, что он обязан передавать то, что он слышал без изменений, но сообщать и свою оценку достоверности этого. Приводил он и свои соображения о том, какие народности являются исконными в занимаемой местности, какие пришлыми, кто от кого заимствовал те или иные обычаи или культы – обычные вопросы современных этнологов.

Анализ ранней этнической истории Эллады

Афинянин Фукидид (ок. 454 – ок. 399 гг. до н.э.) сообщает меньше этнографических сведений, но дает краткий и трезвый анализ ранней этнической истории Эллады. «Раньше происходили в ней переселения, – считает он, – и каждый народ легко покидал свою землю, будучи тесним каким-либо другим, всякий раз более многочисленным народом... Всегда перемене населения подвергались преимущественно наилучшие земли Эллады... Напротив, Аттика, по причине скудости почвы, с самых давних времен не испытывала внутренних переворотов и всегда занята была одним и тем же населением». Это хорошее изложение взглядов, позже известных под именами миграционизма и автохтонизма. Фукидид также пытается решить, когда греки обособились от варваров и стали называться общим именем эллинов (Фукид., I, 2–3).

Сравнение народов по превосходству

Греческий автор Полибий (ок. 200 – ок. 120 гг. до н.э.) из Мегалополя, стратег Ахейского союза, следовал Геродоту в оценке демократических учреждений как главного достоинства, обеспечивающего превосходство одного народа над другими. Но для него таким превосходством обладали римляне. Он переселился в Рим и изучал историю, сравнивая все народы с римлянами. Для него разгадка военных успехов римлян лежит в совершенстве их государственных учреждений (III, 2, 6), одну из книг своей истории (шестую) Полибий посвящает описанию римского государственного строя, военного дела и дисциплины. Римская республика, по его мнению, – совершеннейшая форма человеческого общества, недоступная порче (VI, 11). Наряду с политическими учреждениями тому же эффекту способствовали и психические добродетели римлян: их мужество, предприимчивость, богобоязнь, верность данному слову; неподкупность и бескорыстие их военачальников. Ахейцы преуспели

именно потому, что поняли превосходство римлян и подчинились им.

Различение между греческими племенами

Не столь идеологичен был другой греческий автор, писавший в римское время, Павсаний Периегет (II век), создатель путеводителя по Греции. Он очень много говорил о памятниках культуры, сообщал курьезы и описывал местные особенности, но больше всего он передавал мифологию, с ними связанную. Если Геродот подчеркивал единство греков на фоне межэтнических различий, то у Павсания предстают различия между греческими племенами.

Интерес к сверх-естественному при описании народов

Занимался народоведческими аспектами и собственно римский автор, Гай Плиний Секундус Старший (23–79 гг.), служивший на высших постах в администрации принцепсов в римских провинциях и в Риме. Это он погиб при извержении Везувия, потому что не хотел упустить возможность наблюдать вблизи это редкое явление. Перед тем он написал «Естественную историю» (*Historia Naturalis*). Это сугубо компилятивный (использовано более двух тысяч источников) и описательный труд. Лишь 4 из 37 книг его «Естественной истории» посвящены народам с очень кратким указанием их характеристик, остальные – о природной среде (это более тщательно), произведениях искусства, торговле, сельском хозяйстве, рудниках и т.д. Плиний интересуется преимущественно необычным, сверхъестественным. Так, он сообщает о безголовых людях – *блеммийцах*, с глазами и ртом на груди; о племени *эссенов*, не имеющем женщин, и т.п. С другой стороны, это был очень свободомыслящий естествоиспытатель, трезво рассуждавший о корнях религии. По его предположениям, «слабое и страждущее человечество, помня о своей немогущности», создало себе многочисленных богов сообразно своим нуждам и стремилось их «умилостивить в смятении страха». Все это Плиний считал «ребяческими сумасбродствами» (Плин. Ест. ист., II, 4–5, VII, 56), хотя, очевидно, почитал некоторых «подлинных» богов. А вот сказочных чудищ не отличал от естественных существ. Но законы природы были не выведены, полагаться можно было только на интуицию.

Его последователями и подражателями в собирании сведений о сверхъестественных достопримечательностях были Помпоний Мела (II в.) с трудом «О расположении мира» (*De situ orbis*) и Кай Юлий Солин Полиистор (*Solinus Polihistor*, III в.), чей труд так и назван – «О чудесах мира» (*De mirabilibus mundi*). По сравнению с ними все же Геродот как антропологически ориентированный

ученый явно выигрывает: он давал о народах разносторонние сведения и был исследователем, тогда как Плиний и его последователи – лишь собиратели сведений, к тому же слишком лаконичные (часто всего одна какая-нибудь примечательная черта) и легковверные.

Была ли в античном мире антропология?

2. Вопрос о существовании антропологии в античном мире. Естественно, что на таком фоне Гекатея называют отцом этнологии и географии, а Геродота – отцом истории и иногда отцом антропологии или этнографии.

А была ли в Древней Греции, да и в Риме, антропология? Само слово «антрополог» у древних греков существовало, но означало «сплетник». А если иметь в виду не термин, а обозначаемую им сейчас дисциплину? Дж. Майрс, ученик Э. Тайлора, специализировавшийся по классическим древностям, утверждал, что греки – первые антропологи [1]. К. Клакхон, антрополог следующего поколения, пишет, что он сначала относился к этому скептически, но подумав, согласился [2]. Он и мотивировал это: греки ставили *антропологические задачи* – выявлять культурное многообразие, сравнивать народы, описывать их обычаи, а решая эти задачи, греки создавали концепции. Геродот устанавливает параллелизм между египетским богом Гором и греческим Аполлоном, между Озирисом и Дионисом. Он цитирует Пиндара: обычай – царь всего. Соответственно, причины различий между народами он видит не в расовых корнях, а в культуре. Варвары у него не расовая категория, а языковая и культурная. Они могут стать (и становятся) эллинами, как, например, пеласги, лелеги. По Фукидиду (V в. до н.э.), эллинизм можно получить через контакт с эллинами и подражание.

Не всякое знание – наука

Однако вряд ли можно рассматривать представления и концепции античных ученых как свидетельства существования уже антропологии как науки. Решение этого вопроса зависит от того, что считать научной дисциплиной. Не всякое знание – наука, и не всякое мышление – научное. Под научной дисциплиной обычно понимается систематическое организованное и выделенное (специализированное) знание с отработанными методами его добытия и проверки. Такой науки антропологии в античном мире не было.

Древние греки – народ, сосредоточенный на человеке

По К. Клакхону, греки были народом, сосредоточенным на человеке, а это антропологический подход. Софист Протагор (480–411 гг. до н.э.) утверждал: *anthropos, metron panton*. Это переводят обычно: человек – мера всего. Правда, сам же К. Клакхон отмечает, что во времена Протагора *metron* означало не «мера», а «повелитель»,

«господин». Это Платон, мыслитель следующего поколения, превратил *metron* в «меру». Но и платоновское толкование, вполне укладывающееся в представление о греческой философии, не обеспечивает возможность говорить о греческой антропологии.

И все же, невыделенные и в смеси с другими, накапливались факты и понятия, относящиеся к антропологическому знанию, ставились и решались антропологические задачи – описывалось многообразие обычаев и сравнивались разные народы. Это были элементы антропологии, позже послужившие материалом для ее создания. В ходе сравнения народов выступали, кроме упомянутых (о параллелях в религии и обычаях, об основе различий между народами), еще две идеи, два соображения, носивших концептуальный характер и разрабатывавшихся с особым вниманием: географический детерминизм и идея прогресса и деградации.

3. Наивный географический детерминизм. Гиппократ с о. Коса (ок. 460 – ок. 377 гг. до н.э.) в сочинении «О воздухе, водах и местностях» предлагал объяснять различия народов влиянием климата и прочих природных условий (а они разные в разных местностях) на человека и его психику. Гиппократ рассуждал так: *«Все в Азии рождается более красивым и более великим, и сама страна мягче другой, и нравы людей приветливее и спокойнее. И причиной всего этого служит умеренность времен года... Но мужественный дух, выносливость к труду и смелость не могут рождаться в такой природе... По необходимости берет верх наслаждение.*

... Что же касается вялости духа и трусости, то наибольшей причиной, почему азиаты менее воинственны, чем европейцы, и отличаются более тихими нравами, суть времена года, которые не производят больших перемен ни к теплу, ни к холоду, но всегда приблизительно одинаковы, ибо тогда ни ум не испытывает потрясений, ни тело не подвергается сильным переменам, от которых нравы естественно грубеют и делаются участниками безрассудства и отваги в большей степени, чем когда все остается в одном и том же состоянии...».

Гиппократ сознает, что есть и другие причины: азиаты таковы «по причине их законов, ибо большие части Азии управляются царями. А там, где люди над собой не властны и не автономны, а подчинены владыке, заботы у них – не о том, чтобы упражняться в военных делах, а чтобы казаться неспособными к войне». Но это сопутствующие причины, не главные.

Объяснение различий народов геоклиматическими условиями

Идеи Гиппократов разделял и Аристотель (384–322 гг. до н.э.), который почти не интересовался конкретными этнографическими сведениями:

«Народности (δῆιέα), обитающие в странах с холодным климатом, на севере Европы, преисполнены мужественного характера, но умственная жизнь и художественные интересы у них менее развиты. Поэтому они дольше сохраняют свою свободу, но неспособны к государственной жизни и не могут господствовать над своими соседями. Наоборот, народности, населяющие Азию, обладают очень развитым умом и художественным вкусом, зато им не хватает мужественности; поэтому они живут в подчиненном и рабском состоянии».

«Генос» и «этносы»

А как же собственная народность ученого? Аристотель считал ее отличной от всех остальных и лучшей. Он был настолько убежден в этом, что обозначал ее иным классификационным термином, чем все остальные. Греки определяются как «генос», (буквально: род, народ), тогда как все остальные – «этноты». Аристотель первым стал употреблять термин «этнос» не для обозначения «толпы», а для всякого «негреческого народа». Характерен и выбор термина: только греки могли в его глазах претендовать на подлинную организованность, все остальные – толпа. Таким образом, этноцентрический настрой владел и Аристотелем и направлял его рассуждения о влиянии природных условий к такому заключению: «Эллинская народность (ἁῖνῖς), занимающая в географическом отношении как бы срединное место между жителями севера Европы и Азии, объединяет в себе природные свойства тех и других: она обладает и мужественным характером, и развитым умом; поэтому она сохраняет свою свободу, пользуется наилучшей государственной организацией и была бы способна владеть над всеми, если бы только была объединена одним государственным строем».

Неясно только, почему она объединяет лучшие, а не худшие черты азиатов и северян. Различия объяснялись чисто умозрительно, спекулятивно; источником идей был бытовой опыт. Ученым не приходило в голову проверить, не являются ли поверхностными и случайными сами наблюдения: действительно ли все азиаты и всегда таковы, и так ли отличаются от них северяне.

Зависимость облика народов от климата – мысль, которой придерживался и римский географ Клавдий Птолемей (ок. 100–178 гг.).

Итак, у древнегреческих и римских ученых различия народов нередко объяснялись действием географи-

ческой среды. Эта идея легла в основу концепции *географического детерминизма*, развиваемой и в наше время. Поскольку у древних греков и римлян эта идея излагалась как нечто само собой разумеющееся и не сопровождалась развернутыми доказательствами и критическим анализом, можно говорить о *наивном географическом детерминизме* античных авторов.

Объяснение
изменчивости
народов

4. Идеи прогресса и деградации. Другим направлением размышлений древних греков и римлян над сравнением народов в их разных состояниях было соображение об изменчивости народов, о том, что некоторые из них быстро изменяются – одни совершенствуют свои умения, другие теряют достигнутое, – а есть и такие, которые очень стабильны, консервативны и долго пребывают в одном и том же состоянии – часто это состояние сугубой дикости.

Демокрит Абдерский (ок. 460 – ок. 377 гг. до н.э.) писал: *«О первых людях философы сообщают, что они вели жизнь грубую и звериную: выходя из пастбища и кочуя, они питались обильнейшими естественными кормами земли и случайными плодами деревьев. А так как звери их беспокоили и вредили им, то они, научась на опыте помогать друг другу и от страха собравшись вместе, вскоре познали в себе природное единство. Постепенно у людей сложился язык...»*. Потом появились другие изобретения. *«Словом, борьба за существование научила людей всему»*.

Концепция
прогресса

Для тех философов, на которых ссылается Демокрит, источником этих идей, по-видимому, было уподобление развития народов росту отдельного человека, т. е. наблюдение за развитием детей, а подтверждение они находили, сравнивая свой народ с окружающими менее продвинутыми народностями. Разумеется, эти ученые считали свой народ самым успешным, но исходя из преданий и остатков старины, допускали, что он не всегда был таким, а в прошлом походил на диких и грубых соседей. Таким образом они реконструировали рост народонаселения, усовершенствование вооружений, подъем благосостояния. Это *концепция прогресса*.

Она представлена в более развернутом виде у римского поэта Тита Лукреция Кара (99–55 гг. до н.э.). В пятой книге его поэмы «О природе вещей» картина развития человека дана в русле Демокрита:

*«Люди, тогда на полях проживавшие, были грубее,
как и должно быть, затем, что взрастила
их грубая почва...*

*Так в продолжение множества
солнечных круговращений*

люди вели свою жизнь в состоянии
бродячем, как звери.
Не было сильного пахаря для управления плугом,
так что никто не умел ни возделывать
поля железом,
ни произвести на земле насаждение
кустарников новых...
Люди совсем не пеклись об общественном благе, а также
не было нравственных правил у них
и защиты законов:
каждый брал то, что ему как добычу
судьба посылала,
собственной силой привыкнув хранить
свою жизнь и здоровье.
Стали затем города воздвигаться, цари стали строить
крепости, чтоб находить в них
убежище и оборону.
Скот и поля были разделены.
После того установлена собственность.
Найдено золото...»

Концепция
регресса

Не все мыслители были согласны с этой идеей постоянного прогресса. Во все времена находились люди, по тем или иным причинам недовольные изменениями, происходящими в обществе, и готовые считать, что в прошлом все было лучше. По их убеждению, люди вырождаются и общество идет к упадку. Это идея регресса, деградации, противостоящая идее прогресса.

Пессимизм этого рода был выражен уже в сочинении греческого мыслителя VIII – VII вв. до н.э. Гесиода «Труды и дни». Ведя жизнь земледельца, он озвучивал представления и чувства крестьян, а им многие новации века могли не нравиться: засилье ростовщиков, вытеснение привычного хлебопашества виноградарством и т.д., конкуренция рабовладельческих производителей и т.п. В истории человечества Гесиод выделял пять больших веков. Первым был *золотой век*, в котором люди жили счастливо, они были благочестивы, и каждого в конце постигала легкая смерть. Далее был *серебряный век* – люди стали неблагочестивыми и по окончании жизни Зевс низвергал их в подземный мир. За этим следовал *медный век* – люди этого времени были страшны и могучи, они не ели хлеба, были воинственными и злыми, а в конце жизни отправлялись в Аид. За медным веком шел *героический век*, когда люди, хоть и благочестивые, увлекались подвигами, а уходя из жизни, переселялись на острова блаженных. Наконец, наступил *железный век*, самый ужасный из всех пяти – мы в нем и живем. Людей поразили всеобщее очерствение, эгоизм, озлобление и

зависть. Они влачат свои дни в трудах и бедствиях, поражаемые болезнями. Царят насилие и разбой.

Концепция золотого века в прошлом человечества заставила пересмотреть оценку диких племен и грубого, неразвитого прошлого цивилизованных греков и римлян. Эта переоценка была основана на критике язв современного общества, античного мира. Развитие рабовладельческого строя усилило пропасть между роскошью знати и нищетой обедневших, обездоленных слоев.

Типизация
народов

Ученому греку Страбону из Амасеи, жившему уже в эпоху Римской империи (ок. 63 до н.э. – ок. 24 или ок. 19 н.э.), принадлежит обширный труд «География», который содержит описание не только разных территорий, но и проживающих на этих землях народов, так что он мог бы называться и «Этнография». К этому времени круг земель и народов, известных античным авторам, заметно расширился, поскольку завоевания Александра Македонского, а затем расширение Римской империи раздвинули границы известного грекам и римлянам мира до севера Европы, Китая и Северной Африки. У Страбона названо около 820 народов и племен. Как настоящий ученый, он проводит четкое различие между легендарными известиями (преданиями, баснями, вымыслами) и историческими фактами. Так, например, он считает мифическими сведения об амазонках – «Кто, например, поверит, что когда-нибудь войско, город или племя могло существовать из одних женщин без мужчин?» (Страб., кн. XI, гл. V, 3–4). В духе ученого-этнографа он проводит типизацию (некоторые народы причисляет кномадам), говорит об образе жизни (ἀνδραγαθία).

В случаях контактов между народами Страбон с интересом рассматривает результат. Смешанную греко-латинскую культуру он констатирует, а вот смешение варваров с эллинами не признает – одна из двух народностей должна получить перевес. А между тем такие народности несомненно были (в колониях). Варваров, однако, он нередко хвалит – но незатронутых влиянием греков или римлян.

Преимущество
древнего перед
современным

Страбон видит недостатки в цивилизации: «...Вообще говоря, принятый у нас образ жизни испортил нравы чуть ли не всех народов, внеся в их среду роскошь и любовь к наслаждению, а для удовлетворения этих пороков – гнусные происки и порождающие их бесчисленные проявления алчности. Подобного рода нравственная испорченность в значительной степени затронула также и варварские племена, в особенности кочевников» (Страб., VII, III, 7).

В «Естественной истории» Плиний (I век н.э.) настойчиво доказывал преимущества древних порядков и нравов перед современными.

Сравнение народов
по образу жизни

Римский дипломат и писатель Корнелий Тацит (ок. 57 – после 117 гг.) родился в римской колонии на территории нынешней Бельгии, предположительно в Августе Тревири (современный Трир), где родился (почти две тысячи лет спустя) и Маркс, юность провел на Рейне. Он служил императорам и признавал неизбежность императорской власти, но симпатии его принадлежали сметенной республике. В своем сочинении «Германия» (полное название: «О происхождении германцев и местоположении Германии») Тацит дал очень подробное описание германских племен и их общественного устройства. С.А. Токарев называет это сочинение «буквально» первой этнографической монографией. Тацит в ней сопоставляет варварские племена между собой по разным показателям (чтобы определить, кому принадлежат певкины – германцам или сарматам), сравнивает их и с римлянами. Принадлежность народов он устанавливал, однако, не по языковому родству, а по образу жизни.

Тацит противопоставил родовой строй германцев, с его равенством и свободой, разложению римского общества, погрязшего в лени, обжорстве и прочих пороках. «Дети здесь растут голые и грязные», но «вырастают с таким телосложением и таким станом, которые приводят нас в изумление». Юноши поздно познают женщин, женщины не рвутся к зрелищам. «Пороки в Германии ни для кого не смешны, и развращать и быть развращаемым не называется у них идти в ногу с веком». Тацит не только отбирает факты, но порою доверяет и неверным сведениям, которые бы подходили к этой идеализации (например, что в отличие от римлян германские отцы не убивают неудачных младенцев). Смелость, достоинство и взаимопомощь процветают, по Тациту, у германцев, несмотря на отсутствие единоличных властителей и писанных законов. Он отмечает, что у германцев обычай вместо закона. «Добрые нравы, – заключает он, – имеют там больше силы, чем хорошие законы где-либо в другом месте» (гл. 19). Та же идея проводится в его последующих трудах «История» и «Анналы».

Идея «естественно-го народа»

Древне-греческий философ-стоик Посидоний (ок. 135–51 до н.э.) глава школы на о. Родос, учитель Цицерона, описывая северных варваров, создал одно из первых представлений о «естественном народе».

Через три века после Тацита и два с половиной после Посидония примерно так же Аммиан Марцелин (330–

400) описывал варваров (гуннов), что звучало как отрицание римского образа жизни. И то сказать – он жил уже незадолго до падения Римской империи.

Это были первые проявления идеи «благонравного дикаря», «благородного дикаря», впоследствии широко развившейся в XVI–XVII веках.

Парадигма античного мышления

Сформулируем основные постулаты античного мышления в том, что касается сравнения народов и отношения к другим народам. Эти постулаты были достаточно повсеместны и устойчивы, достигая регулярности парадигмы.

Постулаты
античного мышле-
ния

1. *Мифологическая периферия.* Мир ограничен и населен вокруг нас странными и чуждыми существами, которые чем дальше от нас, тем больше отличаются от нас и тех животных, которые живут рядом с нами. Наиболее отдаленные – явно не люди или животные, а духи и боги. О них говорится в мифах. Они способны воздействовать на нас, надо как-то с ними ладить. Для этого существуют жрецы.

2. *Варварская периферия.* Те, что ближе к нам, больше походят на нас, и возникает вопрос, можно ли признавать их людьми. Они разные. Некоторые вряд ли люди, это скорее подобия людей или другие виды людей. Все эти народности, соседние и расположенные за ними, *варвары* (буквально: те, кто лопочут). Их надо помещать ниже нас в мировой иерархии, они хуже, глупее нас, не знают простейших правил жизни. Поскольку они опасны, их надо, поелику возможно, истреблять, менее опасных – завоевывать и подчинять. Пригодную часть из них можно, пленив, использовать как рабов, то есть как скот. Это естественно: они ведь не равня нам. Они созданы богами для нашего удобства, для обслуживания нас.

3. *Цивилизованные противники.* Есть, однако, иные соседи, которые могут быть причислены к людям, они цивилизованы, имеют города, законы, властителей, иногда они даже получали господство над нами. Но наши порядки значительно лучше, так что если мы будем верно исполнять заветы наших богов и придерживаться наших порядков и обычаев, то получим превосходство над соседями, завоюем и подчиним их, чего и следует добиваться.

4. *Идея прогресса.* Тому, что мы имеем, мы научились постепенно. Люди жили раньше беднее, были грубее, многого не знали. Еще и сейчас так живут окружаю-

щие народы. Но мы сумели при помощи наших богов стать сильнее и богаче.

5. Привязанность к традиции и идея деградации. Все наше – это то, что для нас традиционно. Мы добились превосходства над другими народами именно благодаря традициям. Традиции есть благо. Новшества иногда полезны, но большей частью опасны и их надо избегать. Традиционный порядок вещей незыблем. В связи с этим прошлое надлежит почитать. Нынешние поколения хуже, идет порча нравов. Более того, варвары, сохранившие свои древние доблести, лучше и счастливее нас.

Два последних тезиса явно противоречат друг другу. У античных мыслителей был четче выражен то один из этих тезисов, то другой.

Таково отношение античного человека к наличию других народов и месту своего народа среди них в исторической перспективе. Пережитки этого типа мышления живут очень долго в народном сознании и в рассуждениях мыслителей. В несколько замаскированном и приукрашенном виде их можно наблюдать и сейчас.

(Продолжение следует)

1. *Myres J.L.* Herodotus and anthropology // *Marett R.R. (ed.). Anthropology and the classics.* Oxford, 1908. P. 152–168.

2. *Kluckhohn C.* Anthropology and the classics. Providence, 1961.

